

ВАЛЕРИЙ ШУБИНСКИЙ

АЗЕФ

**АНТИГЕРОЙ
РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

Individuum, 2025

УДК 929
ББК 63.3(2)
Ш95

Шубинский, Валерий.
Ш95 Азеф. Антигерой русской революции / Валерий Шубинский. —
М.: Individuum, Эксмо, 2025. — 544 с.

ISBN 978-5-04-227088-8

В начале XX века, когда Российскую империю сотрясали теракты и революции, незаметный инженер-электрик Евгений (Евно) Азеф вел сразу две тайные и опасные жизни. Он одновременно работал секретным агентом полиции, которая боролась с революционерами, и возглавлял Боевую организацию партии эсеров, которая устраивала покушения на высших чиновников и членов царской семьи. Он то уводил полицию по ложному следу, то сдавал ей товарищей-подпольщиков.

После разоблачения Азеф из легенды революционной борьбы превратился в изгоя, а его имя стало символом позорной беспринципности. Однако писателю Валерию Шубинскому удалось выявить в двойном агенте прежде всего человека — со своими привязанностями, известными моральными ограничениями и даже политическими убеждениями. В турбулентные времена, когда моральный компас общества сбит окончательно, знакомство с реальной историей зловещего циника может не только обескуражить, но и отрезвить.

УДК 929
ББК 63.3(2)

© Валерий Шубинский, 2025
ISBN 978-5-04-227088-8 © ООО «Издательство «Эксмо», 2025
Individuum ®

Оглавление

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОСВЕДОМИТЕЛЬ	11	Второе рождение БО	147
Евно Меер	13	Дело на Плевле: дебют	163
Ростов-папа	18	Миттельшпиль	169
Евно Фишелев сын	21	Эндшпиль	178
«Толстая свинья» (юность героя)	24	Мат	186
Азов, молодой революционер	32	Член-распорядитель	192
Покорный ваш слуга W. Sch.	36	Коалиция	198
Вербовка	41	Если дать указание...	208
Евгений Филиппович и его знакомые	46	Дело на князя Сергея	213
«Энергичная подруга»	58	Петербург и Киев: неудачи	222
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЛИЦО ИНТЕЛЛИГЕНТНОЙ ПРОФЕССИИ	63	ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ДЖОКЕР	233
Москва, или любовь к элентричеству	65	Конкурент	235
Сложный мир протоэсеров	72	Великая террористическая война	241
История с типографией	80	Весенне-летняя кампания	246
Номандировка	93	Между Дунаем, Волгой и Невой	253
Рождение БО	100	Азиев — это я	262
Ваш Иван	110	Ныне отпускаеши	268
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ВАНЬКА-КАИН	119	Проверка	279
Первые подвиги Ивана Николаевича	121	Смерть синдикалиста	287
Выбор	129	Смерть эстета	299
Первый суд и первое оправдание	138	Конец игры	305
Дело Гершуни и компании	143	ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ЦАРСКИЙ САУГА, ЦАРЕУБИНИЦА	315
		1906: весна — лето	316
		Поддавни	326
		Медведь, Мортимер и Наташа	332
		Творческий отпуск	342

Вольные стрелки и птенцы гнезда
Азефова 356
Нрылья Азефа 363
Гершуни снова на сцене 369
Шерлон Холмс начинает след-
ствие 375
Посягательство на священную осо-
бу 379
Доктор Нальвино и другие 384
Путиами графа Палена 394
«Это не может дальше
длиться...» 406

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ОБВИНЯЕМЫЙ 411

Следствие продолжается 413
Масонский заговор 419
Суд над следователем 422

«Рюрин», или то, чего не было 429
Нёльн-Берлин 435
Парижские прения 445
Нлючевой свидетель 452
Бегство 465

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ. ОБЫВАТЕЛЬ 475

Папочка и мамочка 477
Я остался и есть
тот же Евгений 486
Петр Арнадьевич и Алексей Алён-
сандрович 496
Двенадцать часов на Майне 509
Моабит 519
Мир, свобода, смерть 528

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ 541

Я не знаю в русском революционном движении ни одного более блестящего имени, чем Азеф. Его имя и деятельность более блестящи, чем имена и деятельность Желябова, Созонова, Гершуни, но только... под одним условием, если он — честный революционер.

В. А. БУРЦЕВ

Я решительно утверждаю: если бы я не имел в это время своим сотрудником такого человека, как Азеф, занимавшего в партии центральное положение, политической полиции, несмотря на все ее старания, почти наверно не удалось бы так успешно и так систематически расстраивать все предприятия террористов.

А. В. ГЕРАСИМОВ

В нем было какое-то почти необъяснимое, страшное сочетание добра со злом, любви и ласки — с ненавистью и жестокостью, преданности и дружбы — с изменою и предательством.

А. И. СПИРИДОВИЧ

*Эту ночь глазами не проломаем,
Черную, как Азеф.*

В. В. МАЯКОВСКИЙ

У слова «замечательный» есть два смысла. Один — оценочный. Замечательный — то есть прекрасный, достойный восхищения и подражания. Другой смысл — нейтральный: «замечательным» является все заслуживающее внимания и интереса. В том числе и неоднозначные, скажем так, исторические деятели.

Фигуру Азефа трудно назвать даже «неоднозначной». В российской истории она традиционно рисуется черной краской без всяких оттенков. И, надо сказать, для этого есть основания.

Азеф участвовал в борьбе двух жестоких и непримиримых сил: революционных подпольщиков-террористов и тайной полиции. И у тех, и других были свои идейные и моральные основания и оправдания, свои герои и мученики. Но как относиться к двойному игроку, равнодушно обрекающему на смерть доверившихся ему людей? Как отнестись к предателю, к дважды предателю? Тем более, если за его предательством не просматриваются (по крайней мере на первый, невооруженный взгляд) никакие идейные цели, никакие высокие мотивы.

А какие просматриваются? Низменные, денежные? Авторы многочисленных книг про Азефа именно это пытались доказать. Но если перед нами обычный продажный негодяй, что заставляло историков (Бориса Николаевского, первого биографа Азефа, а уже в наше время — Л. Прайсмана, А. Гейфман) и писателей (далеко не последнего разбора — например, Марка Алданова, Алексея Толстого, Романа Гуля) снова и снова обращаться к его фигуре? Про обычных низких мерзавцев книги в таких количествах не пишут.

В борьбе революции с полицией была тьма перебежчиков (зачастую многократных) и двойных агентов. Но никто из них не привлекал и сотой доли внимания, которое вызвал Азеф.

Почему?

Просто из-за масштабов его деятельности? Да, масштабы впечатляют. Агент полиции не просто внедрился в террористическую сеть — он ее возглавил. От него в немалой степени зависело соотношение сил в борьбе правительства и его вооруженных врагов. Чем ниже оценивали современники моральные качества Азефа, тем выше — его интеллект и организаторские способности.

Однако дело отнюдь не только в этом. Какая-то остается тайна — не в эпопее Азефа, а в нем самом, в его личности. Тайна, к которой он сам не оставил никакого ключа. Тайна, в которой хочется разобраться, хотя она наверняка мрачна и неприятна.

Но эта неприятная тайна — не только в самом Азефе. На поверку его эпопея — только часть запутанного и переплетенного клубка полудетективных историй. И когда начинаешь его распутывать, вдруг понимаешь, что какая-то частичка Азефа была в очень многих почтенных и почитаемых политических (и не только политических) деятелях той поры. В азефовщине отразилось многое от «духа времени» и «духа места».

Так или иначе, речь идет о знаменательной (или, если хотите, *замечательной*) странице в том, что Х. Л. Борхес называл «всеобщей историей бесчестья».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Осведомитель

Евно Меер

Евно Мееру, второму (из семи) ребенку и первому (из трех) сыну мещан Фишеля и Сары Азефов, родившемуся 11 июля 1869 года в местечке Лысково Пружанского уезда Гродненской губернии, с самого начала не повезло.

Начать с того, что он родился в Российской империи в семье иудейского вероисповедания — со всеми общеизвестными правовыми последствиями.

Но и евреям в России жилось по-разному. Для образованных, богатых, квалифицированных людей граница черты оседлости в благословенное время Александра II приоткрылась. Да и в самой черте (это, заметим, был миллион с четвертью квадратных километров — территория нескольких вместе взятых больших европейских держав) возможны были разные жизненные положения. Одно дело — какой-нибудь хлебный экспортер из Одессы, другое — бедный портной из белорусского местечка...

Увы! Азеф (и это второе невезение) родился именно в маленьком белорусском местечке в семье бедного портного. В очень маленьком местечке. В 1897 году население Лыскова составляло всего 876 человек, из них 658 — евреи. Тридцатью годами раньше было, видимо, еще меньше.

Местечко, торгово-ремесленный городок с деревню величиной — порождение особой цивилизации, возникшей на восточных рубежах Речи Посполитой. Почему большинство населения в этих городках в XVIII, XIX и первой половине XX века составляли именно евреи — долгий разговор. Христианскими были окраины, слободы. Центр был моноэтничен. Там звучал в основном идиш, «еврейский жаргон», как его называли тогда. В Пружанском уезде говорили на литовском диалекте идиша. Это и был, видимо, родной язык Азефа. Он был из литовско-белорусских евреев, из литваков. Кроме наречия, это означало еще и принадлежность к определенному религиозному течению. Литваки чаще были миснагедами (противниками хасидизма). Но в Гродненской губернии были и хасиды, приверженцы слонимского, карлинского или коцкого ребе. Суровый рационализм миснагедов, их безрадостная духовная трезвость и хасидизм, с его экстазом и культом всезнающего цадика, здесь сходились друг с другом.

Статус ремесленника в еврейской общине был низок. Мельчайший и беднейший торговец, посредник-фактор, шинкарь, коробейник стоял выше. Считалось, что торговля оставляет больше времени, чем ремесло, на изучение Торы — единственное по-настоящему достойное еврейского мужчины занятие. На самом деле за этой иерархией в известной мере стояло извечное, присущее почти любой человеческой цивилизации презрение к ручному труду. Социалисты XIX–XX веков попытались перевернуть пирамиду, поставив рабочего и крестьянина на ее вершину. С их точки зрения, проблемой евреев был как раз переизбыток людей, занимающихся «непроизводительной» торговлей.

Но именно ремесленники, а не торговцы составляли большинство евреев Гродненской губернии, пусть не абсолютное, но относительное — примерно 48 процентов. А из этих 48 процентов примерно 30 процентов составляли портные, белошвейки, шапошники. Самая распространенная профессия.

Как им жилось? Художественной и мемуарной литературы предостаточно — ну а вот сухая статистика. К кон-

цу XIX века еврей-портной в данной губернии зарабатывал в среднем примерно 200 рублей в год, или 17 — в месяц. Что приблизительно соответствовало среднему по России заработку индустриального рабочего, но в 5–7 раз уступало доходам, например, квалифицированного петербургского слесаря. Местечковый портной страдал от того же, от чего местечковый лавочник — от узости рынка. Некому было продавать, некого было обшивать.

Другими словами, Евно Азеф по рождению принадлежал к самым бедным, самым скромным, обделенным жизнью подданным русского царя. Пожалуй, он мог бы говорить, что «вышел из народа» (к тому времени, когда он вырос, российские прогрессивные люди, после долгих колебаний, почти включили еврейскую бедноту в состав обожаемого, подлежащего освобождению и принудительному облагодетельствованию «народа»), если бы его отец так и продолжал оставаться портным в Лысково.

Но неудачи его на этом не кончались.

Азеф родился в эпоху Великих реформ. А в сознательный возраст вступил, когда реформы эти кончились, и, наоборот, начались «контрреформы». Не то, чтобы Александр III так уж решительно повернул назад государственный корабль — нет, скорее он просто бросил якорь. Но многим стало труднее. В том числе евреям. Особенно — бедным евреям.

В трудную эпоху опора человека — семья. Про семью Азефов известно только одно: она была не только бедной, но и недружной. Постоянные ссоры, драки. В какой-то момент мать сбежала из дома. В еврейской мещанской семье мать сбежала из дома, бросив детей! Эту семейную драму скрывали. Любовь Григорьевна Азеф-Минкина, супруга нашего героя, узнала о ней из случайно подслушанных разговоров мужа с братьями.

И, наконец, неудача совсем уж личная, персональная. Азеф, мягко говоря, не был красавцем. Описания его внешности можно коллекционировать — одно к одному:

Грузный, толстый, очень некрасивый человек с тяжелым, набухшим лицом, с оттопыренной нижней губой.

(*М. Алданов*)¹

Высокого роста, толстая широкая фигура его опиралась несоразмерно с туловищем на тонкие ноги. Длинные руки женской формы, вялые, мягкие, вызывали при прикосновении неприятное ощущение чего-то склизкого, холодного, точно прикоснулся к холодной лягушке или слизняку.

(*П. И. Ивановская*)²

Грандиозен, толст, с одутловатым желтым лицом и темными маслинами выпуклых глаз... Над вывороченными жирными губами расплющивался нос. (*Р. Б. Гуль*)³

Высокий тучный господин с короткой шеей, толстым затылком и типичным лицом еврея. (*В. Н. Фигнер*)⁴

Он был высокого роста, плотный, широкоплечий, широкоскулый, с врозь торчащими крупными ушами, с низким тяжелым лбом, плоским носом и толстыми отвислыми губами; он представлял собой резко выраженный монгольский тип. Пискливый тонкий голос как-то странно-нелепо соединялся с его крупным телом. (*Ж. Лонге, Г. Зильбер*)⁵

Если посмотреть на фотографии Азефа (их немного), то лишь на одной или двух из них он выглядит более или менее респектабельно (хотя все равно малопрочно). На осталь-

¹ Алданов М. Азеф // М. Алданов. Собрание сочинений в 6 т. Т. 6. М. 1991. С. 454.

² Ивановская П. С. В боевой организации // М. 1928, С. 54.

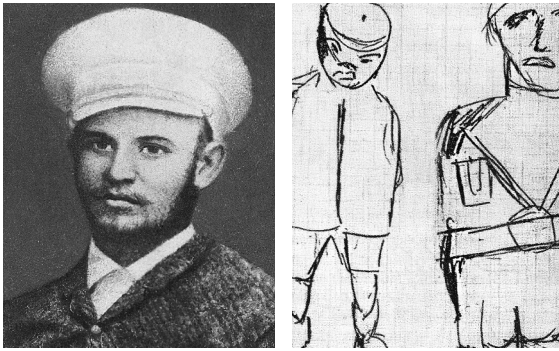
³ Гуль Р. Азеф // М. 1991. С. 27.

⁴ Фигнер В. Н. Полное собрание сочинений в 6 т. Т. 3. М. 1929, С. 173, далее — Фигнер.

⁵ Лонге Ж., Зильбер Г. Террористы и охранка // М. 1991, С. 45 Далее — Лонге и Зильбер.

ных — просто ущербно-криминальный тип из Ломброзо. (Этого автора уроженец местечка Лысково читал в тюрьме Моабит незадолго до кончины).

Можно с уверенностью сказать, что и маленький Евно Азеф не блистал красотой, да и обаянием не отличался. Видимо, он был неловок, неуклюж. Говоря, картавил, пришепетывал, «словно у него кончик языка был обвязан марлей» — эти недостатки дикции сохранились и во взрослые годы. Конечно, его травили, обижали.

Евно Азеф в молодости / Детский рисунок Азефа

Существуют детские рисунки Азефа, воспроизведенные в книге А. Гейфман «В сетях террора» (2002). Рука хорошая. Один (повторенный дважды) рисунок: толстый мальчик в коротких штанах, с плоским, курносым, косоглазым, не еврейским, а каким-то азиатским лицом («монгольский тип»), оцепинившийся, с нелюдимым взглядом. Автопортрет?

Итак: некрасивый, толстый, нелюбимый сверстниками мальчик. Из бедной семьи. Из неблагополучной семьи. Из пораженного в правах меньшинства. В неудачную эпоху.

Только один дар положила фея в его колыбель. Только одно качество было ему дано — качество, которого никто не мог за ним отрицать даже после его разоблачения.

Ум. Цепкий практический ум.

Ростов-папа

В 1874 году, когда Евно Меер должен бы пойти в хедер (традиционную еврейскую начальную школу), судьба семьи резко переменилась. И в хедер Евно, скорее всего, не пошел.

Портной Фишель Азеф решил переселиться из Гродненской губернии к Азовскому морю, на юго-восточную окраину черты оседлости. В Новороссии искали лучшей жизни многие бедные евреи. Иные меняли мещанскую участь на крестьянскую: в Тавриде было немало еврейских земледельческих колоний. Кому-то из них, как Давиду Бронштейну, отцу Троцкого, земледелие принесло достаток. Другие, переселяясь в молодые торговые и промышленные города, оставались верны традиционным еврейским занятиям.

Ростов-на-Дону — это те места, где (повернись европейская политика в начале XVIII века иначе) мог бы находиться Петербург. Но ростовчане (тогда говорили «ростовцы») гордились, что их город, в отличие от соседних Новочеркаска и Таганрога, построен не на петербургский манер, по царскому указу, а вырос органически.

Ростов-папа в южном фольклоре — пара Одессы-мамы. Считалось: где побывали ростовские жулики, одесским делать нечего. Одесса обязана была своим бурным развитием

хлебному экспорту. Ростов (бывшая приграничная крепость святого Димитрия Ростовского, основанная при Екатерине) тоже стал центром хлебной торговли. Но не только. Город был необыкновенно удачно расположен: в устье Дона сходились пять почтовых трактов. Здешние ярмарки были знамениты еще при Николае I. И уже тогда там продавалось не одно лишь сельхозсырье, а и донецкий уголь, металлоизделия...

Потом настала эра железных дорог. Которые строит в этих краях, кстати, не кто иной, как Самуил Соломонович Поляков — один из тех нескольких евреев-миллионеров, входивших в финансовую элиту империи, на которых никакие ограничительные законы уже не распространялись. Поляков жил в Петербурге не где-нибудь, а в бывшем дворце графов Лавалей, был действительным тайным советником, а следовательно — потомственным дворянином, и мечтал о баронском титуле. Но его кипучая деятельность (быстрее него и, правда, дороже него не строил железных дорог никто в мире) сказывалась и на судьбах его полунищих единовецев. Не забудем при том, что владельцем Азовского пароходства был Яков Соломонович Поляков. А Лазарь Соломонович, третий брат (самый авантюрный и амбициозный) был соучредителем Азовско-Донского банка.

И вот Ростов-на-Дону, между Азовским морем, древней Меотидой, Харьковско-Ростовской (открыта в 1869) и Ростовско-Владикавказской (1875) железными дорогами, стал расти как на дрожжах. За тридцать лет (1863–1893) его население выросло в 6 раз: с 17 до 100 тысяч человек. Плюс тридцать тысяч на другом берегу Дона, в Нахичевани, городе переселенных Екатериной из Крыма армян. В Ростове и Нахичевани один за другим возникают заводы: чугунолитейные и механические, пивоваренные и табачные. И, конечно, судоверфи.

В общем, тут было больше индустриального напора, чем в Одессе, но меньше средиземноморского шика. «Русское Чикаго», как тогда писали, а не «русский Марсель». И, конечно, иной национальный колорит: больше армян, меньше греков

и евреев. Гораздо меньше. 10 процентов еврейского населения — это не одесские 34. Но все равно, конечно, немало. И это были люди веселые, энергичные, жуликоватые — таврические люди. Дети Ростова-папы, совсем не похожие на анемичных, печальных, одухотворенных местечковых жителей.

И жили они совсем иначе. Помнил ли Евно Азеф белые глинобитные стены, острые черепичные крыши, вплотную стоящие дома без палисадников, тесные улицы, по которым шляются тощие козы — самый распространенный, и, как правило, единственный домашний скот в местечковых еврейских домах? Или первым впечатлением, которое сохранила его память, были каштаны и акации вдоль пыльных, еще не мощеных мостовых, фруктовые сады хозяйственных южан, на глазах строящиеся затейливые особнячки провинциальных скоробогачей, пароходные и железнодорожные гудки и сухой ветер из степи?